

Глава 18

Закончив разговор о делах торговых, Шэнь Янь допил остатки бульона, глубоко вдохнул и обратился к Чжао Ко:

— Ты ходил осматривать то тело, пораженное заражением? В следующий раз возьми меня с собой.

Чжао Ко бросил на него быстрый, изучающий взгляд. Мальчишка порой проявлял поразительную отвагу, а ведь путь к истинной силе всегда требует величайшего мужества.

— В прошлый раз ты говорил, — продолжал Шэнь Янь, пользуясь моментом затишья, — что те, кто проходит ритуал Откровения после ментального заражения, слышат странные голоса. Что это за звуки?

Его вело простое любопытство — в этом мире лишнее знание никогда не бывало в тягость.

— Никто точно не знает, что это за мистические голоса, — ответил Чжао Ко. — Каждый слышит нечто своё, неповторимое. Но сам ритуал потому и называют Откровением — откровением для души. Легенды гласят, будто эти звуки — не что иное, как шёпот богов, скрывающий в себе непостижимые тайны мироздания.

Командир помрачнел и добавил:

— Вот только все, кто пытался разгадать их секрет, в итоге теряли рассудок.

Шэнь Янь невольно вздрогнул. Снова боги.

— Кто же они такие, эти боги? — пробормотал он под нос.

Чжао Ко уже вкратце объяснял ему это раньше, поэтому ответил небрежно:

— Никто не ведаёт их истинной сути. Те сущности, которым поклоняются в Фаньди, — лишь плод их собственного воображения, навеянный фресками в каком-то древнем горном дворце. Они молятся им каждый день, но я что-то не слышал, чтобы боги им хоть раз ответили.

Сказав это, он как бы невзначай покосился на единственного гостя за соседним столом, всё так же кутавшегося в свой плащ.

Шэнь Янь согласно кивнул:

— По сути, это просто ложные идолы, созданные ради выгоды. Персонифицированные образы, придуманные, чтобы играть на человеческих страхах, манипулировать верой и контролировать разум... Всё ради того, чтобы удерживать власть.

Вернувшись в расположение «Железной крови», Чжао Лань первым делом поспешил в свои покои. Он изнывал от жары в плотном одеянии и мечтал поскорее его скинуть.

В дверях его встретила дама в круглой фетровой шляпе, чей наряд резко контрастировал с грубой одеждой жителей Города Наёмников. Это была его мать, леди Хэлис.

Она недовольно нахмурилась:

— Снова был в Нижнем районе? Ты — аристократ, Лань. Ты должен помнить, что бедность в этом мире — тягчайший первородный грех. Ты не такой, как они.

Согласно теологии Фаньди, бедняки были постыднее и порочнее закоренелых преступников. Считалось, что они недостойны жизни, ибо само их существование оскверняет мир.

Чжао Лань едва сдержал желание возразить. Ему хотелось сказать: «Дорогая матушка, здесь Город Наёмников, и ваши догматы здесь ценятся меньше, чем крысы в сточной канаве». Но вместо этого он лишь изящно, по всем правилам этикета, склонился перед ней:

— Я понял вас, матушка.

Леди Хэлис внимательно окинула его взглядом и втайне вздохнула. По крайней мере, манеры сына оставались безупречными. «Нужно было раньше отправить его в духовную академию Фаньди», — промелькнуло в её мыслях.

— Твой путь лежит в объятия Господа, — привычно напутствовала она. — Ты должен неустанно славить Его величие и сияние Его славы...

В голове Чжао Ланя эхом отозвались слова, услышанные в лавке: «Теология Фаньди полна лицемерия... это лишь ложные, выдуманные боги». Он поймал себя на странной мысли: почему рассуждения того юноши запомнились ему так ярко, а наставления матери о божественном величии нагоняли лишь смертную скуку?

Заметив его рассеянность, леди Хэлис лишь горестно вздохнула:

— Ступай. И не водись больше с этими грешниками. Лучше зайди к дяде, поучись у него. Твой дядя — истинный джентльмен, отмеченный божьей милостью...

Чжао Лань покорно кивнул и поспешил скрыться, пока поток нравоучений не начался заново. Мать лишь покачала головой, глядя ему вслед. Неужели её уроки настолько пугающи, что он бежит от них со всех ног?

Она перевела взгляд на маленькую девочку, которую держала за руку. Что ж, у неё еще есть дочь, которую можно воспитать в истинной вере с самых малых лет.

— Белль, мы, женщины, от природы обделены остротой ума и логикой, — мягко произнесла она. — А раз так, мы лишены способности судить здраво, и нам остается лишь безоговорочно принимать слово Божье как единственную истину.

Маленькая Белль послушно закивала:

— Слава Богине. Благодарю Небеса за всё, что нам даровано.

Отойдя подальше, Чжао Лань столкнулся с мужчиной, чьи черты лица были резкими и глубокими, а глаза отливали густой синевой. Это был его дядя Оулай, человек дела, который вечно пропадал где-то с раннего утра до поздней ночи.

Оулай тоже был в плаще с капюшоном. Видимо, только что вернулся из города.

— Мой дорогой племянник! Гордость Фаньди и маленькое солнце, благословленное небесами! — раздался его любезный смех. — Куда это ты так спешишь?

Чжао Лань остановился и ответил поклоном, в котором сквозило всё изящество старой знати:

— Почтенный дядя. Матушка как раз направила меня к вам для учений. Тот сборник «Божественных гимнов», что вы подарили в прошлый раз, просто великолепен. Я читаю его взахлёб и каждую ночь кладу у изголовья.

«Лежит у изголовья — это правда», — подумал он про себя. — «Ведь я его так ни разу и не открыл».

Лицо Оулая просияло еще ярче:

— Не зря тебя называют дитя, отмеченное Богом! Я как раз поручил наёмникам съездить в Фаньди, и они привезли еще несколько редких трактатов...

У Чжао Ланя едва не свело челюсть от фальшивой улыбки, которую приходилось

поддерживать. Проговорив еще немного о величии Небес, он наконец нашел предлог, чтобы ускользнуть.

Оулай подошел к сестре. Леди Хэлис долго молчала, прежде чем произнести:

— Дорогой брат, твой племянник, боюсь, не так покорен, каким хочет казаться.

Оулай лишь усмехнулся:

— За тот год, что Чжао Лань провел среди знати Фаньди, он заслужил невероятное признание. Его молодость, красота, безупречные манеры... Когда он поет псалмы в храме, кажется, будто его окутывает святой свет. Вельможи Фаньди шепчутся, что он — само солнце, сошедшее на землю. Он предан вере всем сердцем.

Он бросил взгляд на маленькую Белль.

— Дорогая сестра, тебе стоит уделять Лану больше внимания. В конце концов, именно он — единственный наследник древнейшего рода в «Железной крови».

Леди Хэлис кивнула:

— Все мы — лишь агнцы Божьи. Для меня великая честь быть пастырем Его стада. В этом — вся моя жизнь.

— И моя тоже, — добавил Оулай.

Вернувшись к себе, Чжао Лань принялся отрабатывать выпады со своей рапирой. Это было единственным спасением от скучных занятий теологией. В лучах солнца, пробивающихся сквозь окно, этот юный «готический» юноша казался воплощением совершенства — идеальным аристократом, любимцем богов. По крайней мере, внешне.

Тем временем у лотка Шэнь Яня царило затишье. Юноша сосредоточенно обдумывал план по возвращению клиентов.

— Мне нужны пароварки, — решительно произнес он. — Лучше всего бамбуковые. Только они обеспечивают нужную циркуляцию пара при идеальной герметичности.

Чжао Ко нахмурился:

— Из бамбука?

Бамбук — это не обычное дерево, из которого колотят лавки. Он растет только в Великом Изумрудном Лесу, на землях расы Лин.

— С этим возникнут трудности? — уточнил Шэнь Янь.

Чжао Ко задумался.

— Будет непросто, но способ есть.

Собрав небольшой отряд, он повел Шэнь Яня за городские стены. Они двигались вдоль реки, которую называли Нефритовой, поскольку истоки её лежали в глубинах Изумрудного леса.

Вода была кристально чистой. Это была настоящая река жизни, питавшая все окрестные поля. Несмотря на изнуряющую жару, наемники без усталости таскали ведра, поливая колосья, иначе урожай бы просто выгорел на корню.

Зрелище было впечатляющим: повсюду, куда ни кинь взгляд, сновали люди, а над полями бдительно надзирали патрули. Без охраны здесь нельзя — голодный человек способен на что угодно, и кражи были обычным делом.

Стоило отряду Шэнь Яня приблизиться к полям, как наемники-стражи тут же хватались за оружие и подносили к губам сигнальные свистки. «Неудивительно, что цены на зерно вырастут», — подумал Шэнь Янь. — «При таких трудозатратах оно просто не может стоить дешево».

Чем ближе они подходили к лесу, тем живописнее становились берега. Река напоминала полосу светлого нефрита; вода была настолько прозрачной, что можно было разглядеть даже инфузорий-туфелек, копошащихся под камнями на дне — эти простейшие существа без зачатков разума умудрялись выживать на протяжении бесчисленных веков.

Водоросли лениво колыхались в потоке, словно в медленном танце. На берегах, сменяя поля, потянулись россыпи мелких цветов, которые издали казались пестрым ковром. Шэнь Янь не ожидал встретить здесь такую красоту.

На самой границе с лесом поля исчезли окончательно. Это была нейтральная полоса между миром людей и владениями Лин, место, полное скрытых угроз. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь пением птиц и тонким ароматом цветов.

Перед ними высились исполинские заросли, четко отделяя одну территорию от другой. Шэнь Янь приподнялся на цыпочках, пытаясь заглянуть под сень деревьев, словно там скрывался иной мир.

— Мы вот так просто войдем туда? — спросил он. — Не сочтут ли нас браконьерами?

Отряд остановился. Чжао Ко поднял с земли камень и швырнул его в чашу, спугнув стайку птиц. Пока Шэнь Янь гадал, что это значит, командир пояснил:

— Здесь находится аванпост расы Лин. Только не болтай об этом лишнего.

В тот же миг из игры света и тени под кронами деревьев выступили фигуры.

Во главе шел мужчина с серебристыми волосами, длина которых едва не достигала земли. Заостренные уши выдавали в нем чужака. Его лицо было настолько совершенным, что казалось вырезанным из куска драгоценного нефрита — воплощение природного духа.

Он был облачен в серебристый мягкий доспех, а на поясе висело оружие, украшенное самоцветами, — больше похожее на произведение искусства, чем на средство убийства. За спиной виднелся лук; весь его облик напоминал прекрасного и опасного странника. Его спутники также имели длинные уши, но цвет волос у них отличался.

Это были потомки элитных подразделений человечества, созданных когда-то путем генной модификации для выживания в экстремальных условиях. Позже они отказались быть простым оружием и отделились от людей. Спустя долгие века они стали самостоятельным народом, именующим себя расой Лин, и окончательно разорвали все связи с человеческим родом.

Предводитель носил на голове серебряное украшение, напоминающее корону, и был настолько красив, что от него трудно было отвести взгляд. Шэнь Янь, едва взглянув, застыл как вкопанный. Эта корона...

Она была выполнена в технике перегородчатой эмали — одной из восьми великих драгоценностей китайского искусства. Даже в его время это мастерство считалось почти утраченным. Корона не была антиквариатом, но именно это и поразило Шэнь Яня: раса Лин сохранила секреты древних мастеров, достигших вершин искусства в технике Цзиньтайлань.

Среди наемников «Тигров и Леопардов» началось волнение.

— Белый Король Сяо Линчэнь! Что здесь делает правитель расы Лин?

Сяо Линчэнь окинул Чжао Ко холодным взглядом:

— Когда-то, во время вторжения полубога Иси, мы оба вели своих людей в бой. Мы сражались за одно и то же. Но в итоге я стал героем своего народа, а ты — изгоем в Городе Наёмников. Это одна из немногих шуток, что еще способны позабавить меня в этом лесу.

Воцарилась тяжелая тишина. И лишь Шэнь Янь, не выдержав, изо всех сил зажал рот ладонями, чтобы не вскрикнуть.

Но поразило его не наследие древних мастеров эмали. Его взгляд был прикован к фигуре, стоявшей за спиной Белого Короля. Там, в воздухе, застыл Героический дух, чей облик разительно отличался от всех остальных.

Руки Шэнь Яня задрожали.

Воин в великолепных доспехах, с гордой осанкой, в старинном бронзовом шлеме-доумоу. Лицо его было мужественным и суровым, хотя по одним лишь чертам Шэнь Янь никогда бы не узнал его — лики героев в учебниках истории всегда были лишь бледной тенью реальности.

Всё дело было в оружии. За спиной Героического духа крепились два золотых копья.

Для эксперта по древностям каждый изгиб, каждый узор и кольцо на артефакте — это уникальный код. Эти золотые копья были лаконичны и строги. На древках виднелись едва заметные насечки, обеспечивающие надежный хват, а на концах красовались простые изображения тигров. Сами наконечники были длиннее обычных и имели форму плоского холодного лезвия.

В истории было множество героев, мастерски владевших копьем. Но тех, кто сражался парой золотых копий именно такого образца, чей декор и форма в точности соответствовали этим, Шэнь Янь знал лишь одного.

У него перехватило дыхание. Это оружие — несомненно, легендарные «Тигриные головы из закалённого золота». В преданиях их ставили даже выше «Божественного копья» знаменитого Юэ Фэя.

Сколько героев древности обратилось в прах, и как жаль было, что с ними нельзя встретиться на жизненном пути... Но теперь один из них стоял прямо перед ним в образе Героического духа. Именно поэтому Шэнь Янь дрожал от неистового восторга.

Перед ним стоял Краса Силяна, Генерал Божественной Мощи — великий Ма Чао!